

Зинаида Сабитова
Алматы, Казахстан и Хельсинки, Финляндия

РУССКИЙ ЯЗЫК В КАЗАХСТАНЕ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ?

При рассмотрении проблемы «русский язык в Казахстане» чаще всего возникают вытекающие один из другого вопросы: *каково влияние казахского языка на русский; в какой мере русский язык в Казахстане отличается от русского языка в России; является ли русский язык в Казахстане национальным вариантом.*

Русский язык в Казахстане, согласно Конституции Республики Казахстан, «официально употребляется наравне с казахским». Он сохраняет весь объем функций: используется как средство кумуляции и приобретения информации, идеологического воздействия, средство и объект образования, составная часть духовной культуры казахстанского общества. Неслучайно русский язык, как язык межнационального общения, включен в проект «Триединство языков», вместе с государственным казахским языком и английским – языком успешной интеграции в глобальную экономику. Это связано с ключевой потребностью в сохранении позиций русского языка, с его исторически сложившимися на территории Казахстана интеграционными функциями, а также с тем, что он является носителем значительного объема научной и культурной информации.

Для признания русского языка в Казахстане национальным вариантом необходимо учитывать, помимо массовости и длительности его взаимодействия с казахским языком и культурой, действие и других факторов: особые социолингвистические характеристики его носителей, изолированность языка, своеобразие коммуникативных условий, наличие отклонений от стандарта и нормы, кодифицированность и др. (Сулейменова 2011: 102).

Можно констатировать, что Казахстан не стал изолированным ареалом функционирования русского языка, русский язык в Казахстане продолжает употребляться во всех формах, он не испытывает влияния территориальных диалектов, не кодифицирован, значительных откло-

нений от стандарта и нормы в нем не наблюдается. К тому же различия русского языка в Казахстане и русского языка в России касаются лексико-фразеологического уровня, фонетический же и грамматический уровни не затронуты. В связи с этим можно утверждать, что русский язык в Казахстане не является национальным вариантом.

В процессе функционирования в Казахстане русский язык испытывает все более возрастающее влияние со стороны казахской культуры и казахского языка. Он таким образом приспособляется к потребностям носителей языков, вследствие чего неизбежно варьируется. Это связано с происходящими в Казахстане процессами: 1) интенсификацией взаимодействия казахского и русского языков, обусловленного кардинальным изменением статуса и функционального состояния казахского языка; 2) принципиальными изменениями характера казахско-русского двуязычия; 3) расширением сфер и масштабов взаимодействия казахского и русского языков; 4) изменениями концептуально-ментальной картины мира казахстанцев (Сулейменова 2011: 81–82).

Наиболее заметно влияние казахского языка и культуры на русский язык в общественно-политической (*аким, оралман, асар*), социально-культурной (*жуз, шанырак, той, айт*), бытовой (*камзол, чапан*), гастрономической (*кумыс, казы, шубат*), ономастической (*Озкемен, Орал*) сферах коммуникации. Эти сферы относятся к национально-специфическим, поскольку в них проявляются характер, ментальность казахстанцев, их жизненные ценности, способы взаимодействия с окружающей средой и др. Так происходит приспособление языка к новым социально-политическим и культурным условиям.

При описании лексики русского языка, функционирующей в названных сферах, следует обратиться к тюркизмам (*Наурыз, акын, чапан, келин, асар, шанырак, батыр, беташар, той, шельпек, казан, айран, кумыс, казы* и др.), а также к исконно русским словам (*дом, гость, родственник, степь, волк* и др.), национально-культурный компонент семантики которых отличается от их содержания в русском языке России.

Для носителей русского языка в России тюркизмы, обозначающие реалии казахской культуры, являются экзотизмами, т.к. в них ощущается «чуждость» и в звуковой форме, и в содержании, казахстанцы же воспринимают их как нечто само собой разумеющееся, поскольку это – «свое», принадлежащее миру родной культуры, поэтому не требующее усилий для понимания.

Некоторые тюркизмы, напр., *баурсак, бешбармак, дастархан, чанан* и др., стали обозначать базовые концепты казахстанской, евразийской, культуры.

Известно, что одним из основных принципов евразийства является геософия, которая постулирует, что «месторазвитие важнее генетической близости народов» (Новикова, Сиземская 1995: 241). Евразийцы подчеркивают близость славянских и восточных народов по условиям и месту длительного проживания. В.В. Колесов, комментируя данный принцип евразийства, отмечает, что «этот тезис важен. Достаточно указать на общий метод исследований, например в области языка, текста и культуры вообще: *структурализм* создан виднейшими представителями евразийства; это *логика пространства вместо логики времени*» (Колесов 2006: 164).

При общении в рамках евразийской культуры коммуниканты имеют, помимо кода своей национальной культуры, и общий культурный код, общие морально-этические нормы, ценности, связанные с их «месторазвитием». У собеседников отсутствует ощущение «чужеродности», инаковости партнера по общению, не происходит столкновения с иными нормами, установками и стереотипом поведения. Общаясь на разных языках, казахстанцы ощущают нормальность, естественность казахстанской, евразийской, культуры, поведения. Знаки этой культуры (напр., *Астана, Байтерек, шанырак, дастархан* и др.) они считают автоматически, т.к. она не является для них чужой, для понимания которой необходима постоянная работа сознания (Уфимцева 2007: 611).

Рассмотрим некоторые тюркизмы, являющиеся символами казахстанской культуры.

Баурсак (каз. *бауырсақ*, «круглые или прямоугольные куски пресного или дрожжевого теста, жаренные в масле») – неперемный атрибут казахского застолья (*дастархана*), ср.: *Участников венгерской экспедиции «От Золотого человека до Аттилы» в Кызылорде встретили традиционными казахскими баурсаками и кумысом («Время»); Баурсак такой хороший – круглый, теплый, вкусный. Ну разве он не достоин таких почестей?! Ведь жареные солнышки – такой же символ Казахстана, как флаг и гимн, как кумыс и казы!* («Время»).

Результаты свободного ассоциативного эксперимента показали, что *баурсак* у казахстанцев вызывает такие ассоциации: 1) продукт и его свойства: *хлеб, еда, масло, мягкий, свежий, горячий, мука, вкусный, пышный, золотистый, булочка, мучной, жирный*; б) казахские тради-

ции: *юрта, казах, Казахстан, шанырак, леген, казан, сладкий чай, Наурыз*; в) родные люди: *мама, бабушка, тетя* (Сабитова и др. 2011: 91).

Еще один знак казахстанской культуры – *дастархан* («скатерть, стол», «застолье», «обильное угощение», «гостеприимный дом»). Дастархан является символом гостеприимства, щедрости, достатка хозяев, напр.: *Хозяева дома Альбек и Бибигуль первым делом усадили нас за дастархан с бесбармаком и бараньей головой – встретили как самых дорогих гостей* («Время») (Сабитова и др. 2011: 105–108).

Дастархан в сознании казахстанцев – это: а) скатерть: *стол, скатерть, белый, накрытый стол, убранство, скатерть белая, клеенка, еда, готовить, посуда, вкусы*; б) казахские блюда: *мясо, хлеб, бешбармак, казы, чай, баурсак, баурсаки, конфеты, казы-карта, салаты*; в) изобилие: *изобилие, богатство, богатый, достаток, много еды, приятно, обилие, богатый стол, изобилие угощений, всегда полный стол*; г) праздник, гостеприимство: *гости, гостеприимство, много гостей, веселье, праздник, застолье, торжество, доброта, удовольствие, наслаждение, вкусно*; д) семья, Родина: *родственники, круг, дом, семья, единство, благополучие, единство в семье, Восток, страна* (Сабитова и др. 2011: 108).

Процесс вхождения в мир чужой культуры осуществляется в результате вступления в контакт с культурными предметами, распределения их, овладения деятельностью и образами сознания, которые ассоциируются с обозначающими их словами. В межкультурной коммуникации происходит обмен культурными ценностями – культурными предметами, деятельностной формой, ментальными образами культурных предметов.

Описанные культурные предметы настолько гармонично вошли в русский язык, что стали средствами выражения образов сознания. Русский язык заимствовал слова *аксакал, дастархан, бешбармак / бешпармак / бесбармак, баурсак, чапан, кумыс, казы* и др., поскольку обозначаемые ими предметы приобрели практическую ценность в жизни казахстанцев. Значит, они представляют собой культурные предметы как объективированную предметную форму человеческих способностей.

Так, чапан (каз. *шапан*, «традиционная казахская одежда, стеганый халат без пуговиц с поясом») – это ценный подарок, его издревле в знак уважения дарили почетным гостям: *Росселю подарили «золотой*

чапан» – халат уважаемого аксакала («Литер»); В знак глубокого уважения он помимо мантии подарил почетному гостю казахский чапан, а его прелестной супруге Хьюн Ок Сон – национальный камзол и цветы («Вечерний Алматы»). Будучи казахским национальным костюмом, чапан символизирует Казахстан: Дмитрий Петрухин: «Я надеваю свой национальный костюм – чапан, уже ни у кого не возникает вопросов, откуда я» («Спорт.кз»).

Производные от слова *чапан* обозначают традицию одаривания чапанами почетных гостей: *очапанить* («подарить в знак уважения чапан»), *чапанизация* («традиция одаривания чапанами почетных гостей»), ср. также: *чапановый*: *Чапанизация Голливуда: Сигурни Уивер в Алматы приодели. Идея «очапанить» Сигурни Уивер пришла спонтанно, уже в дни кинофестиваля* (<http://rus.azattyq.org>).

Известный казахстанский писатель Г. Бельгер писал: «А чапановая градация получилась такая. В 50 лет меня *очапанили* дважды. В 60 лет я получил аж 32 чапана, и я несколько лет передаривал их русским и немецким друзьям. В 70 лет мои плечи укрыли три чапана. В 75 – еще три... Однажды из газет я узнал, что какая-то организация *очапанила* одним махом всю еврейскую делегацию – тридцать пять человек. ...Я возмутился: нельзя же так безалаберно обходиться с национальным символом. Казахский чапан – не разменная монета. Не следует одаривать каждого встречного-поперечного» (www.altyn-orda.kz).

Для обозначения описанных культурных действий были использованы ресурсы русского языка – словообразовательные модели *очапанить* (ср. *одарить*, *осыпать (золотом)*), *чапанизация* (ср. *приватизация*, *транспортизация*). Употребление этих слов в речи казахстанцев представляет собой употребление, связанное не просто со знанием этих слов и обозначаемых ими предметов, действий, а с тем, что это – факты языка, которые отражают элементы языкового сознания и определяют специфику языковой картины мира казахстанцев.

Ценность бешбармака как главного национального блюда казахов имела следствием то, что он стал знаком евразийской культуры, ср.: *Слово «бешбармак» действительно уже прочно вошло в обиход казахстанцев. Именно под таким названием казахское национальное блюдо известно и за границей. А в самом Казахстане уже появились и производные слова «бешбармачить», «бешбармачный» или просто «беш» («Мегаполис»).*

Имена культурных предметов – это «живые имена», поскольку они наполнены «духом народа», вырастают из действия и несут в себе его «скрытую энергию, потенциальную модель культурного действия» (Уфимцева 2007: 610). Чужое слово такой потенциальной энергией не обладает, поскольку мы не видим за ним модели культурного действия, деятельности, в ходе которой изготовлены эти культурные предметы, а также ментальных образов культурных предметов.

Высокая степень освоенности в русском языке казахизма *бешбармак* привела к тому, что казахстанцы – носители разных языков и культур – видят в нем модель культурного действия. Ср. образованное по модели *бешбармак* слово *фишбармак* (*фиш* – от англ. *fish* «рыба»): *В Атырауской области модернизировали рецепт и стали готовить «фишбармак» с семгой или белугой («Мегаполис»)*. Глагол *бешбармачить* / *бешбармачить* в русском языке обозначает «есть бешбармак», однако он расширил свое значение и стал называть культурное действие, связанное с застольем – дастарханом, на котором обязательно присутствует бешбармак, с ритуалом приготовления и подачи бешбармака на стол, с беседой за столом, а главное – с удовольствием, наслаждением, полученным от общения за столом. Напр.: *Люблю отдыхать семьей в Алматы и бешбармачить в Чимкенте («Караван»); Мне один агашка так и сказал: «Чего тебе не хватает – лежи дома, кушай бешбармак». А я так думаю: бешбармачить можно и на старости лет, а сейчас, пока мы молодые, надо работать («Время»)*.

На казахстанском телевидении был организован проект «Бешбармак-шоу», целью которого является не только состязание в приготовлении бешбармака, но и знакомство с казахскими традициями, связанными с его приготовлением и ритуалом подачи на стол.

Приведем еще пример. Слово *байга*, обозначающее в казахском языке «национальные конные состязания», в русском языке употребляется в новых значениях: а) «соперничество, конкуренция», напр.: *Причем вся эта постыдная байга происходит, отметим для себя, в то самое время, когда по всем правилам политической предвыборной игры они как бы должны бороться в полный рост за наше с вами народное счастье («Мегаполис»); ...а в следующий год собирается снова принять участие в этой «научной байге» («Мегаполис»); Пассажиры автобуса получили ушибы, сотрясение мозга. Причина – обычное дело: устроенная водителями автобусов «байга» («Мегаполис»); б) «резкое изменение курса валют, цен», напр.: *Валютная байга* (заголовок)*

(«Литер»); *Ценовая байга на рынке нефтепродуктов, или как остановить эти скачки* (заголовок) («Zona.kz»); *А между тем галопирующие скакуны инфляции по-прежнему круглый год устраивают безудержную байгу на просторах местных рынков* («Мегаполис»).

В русском языке Казахстана появился глагол *байговать* в значении «сопоставляться, соревноваться», напр.: *Мы только на помосте «байгуем», а в жизни хорошие друзья* («Мегаполис»); *Водители, видимо, начали «байговать», стартуя с перекрестка, который был всего в 15 метрах от «зебры»* («Время») и др.

Проанализированные тюркизмы представляют собой имена лингвокультурных концептов, изучение которых позволит выявить особенности казахстанской ментальности и культуры.

Выраженную в русском языке специфику казахстанской культуры составляют концепты, знаками которых являются слова *гостеприимство, дом, родственник, степь, волк* и др. В них культурно значимая информация выражается в коннотативном аспекте значения, в разных лингвокультурах они обладают разными культурными коннотациями. Изучение этих концептов особенно важно, т.к. они внешне совпадают с концептами других культур, но различаются культурной семантикой, ролью в формировании и выражении системы ценностей.

Показательным в этом отношении является сопоставление концепта «степь» в казахстанской культуре и одноименного концепта в русской культуре. Особенности ландшафтов Казахстана и России определяют значимость степей в жизни проживающих на их территории народов. Понимание слова *степь* как «обширного безлесного ровного пространства в зоне сухого климата, покрытое травянистой растительностью» присутствует в любой культуре, даже у народов, проживающих на отдаленных от степи землях. Различия касаются образной и ценностной составляющих данного концепта.

Для казахов степь – это их «месторазвитие» (по П.А. Савицкому), казахи слились со степью, идеально подходящей для кочевничества. «Кочевой степняк ест, пьет и одевается скотом, – писал Ш. Валиханов, – для него скот дороже своего спокойствия. Первое приветствие киргиза, как известно, начинается фразой: «Здоров ли твой скот и твое семейство?». Эта забота, с которой наперед осведомляется о скоте, характеризует более, нежели целые страницы (описаний)» (Валиханов 1985: 28).

Одним из основных смыслов слова *степь* в евразийской культуре является «родная земля», взрастившая и всегда готовая дать приют,

напр.: *Все мы там тосковали по дому, по родным **степям** – это нас и сплотило* («Экспресс К»).

Степь для казахов – живое существо, способное думать, дышать, жить своей жизнью, протестовать, у нее есть свои обычаи и традиции. Эпитет *степной* в словосочетаниях *степной мудрец, степной батыр, степная красавица* несет ярко выраженную положительную окраску, ср. также: *степные кони* – самые выносливые, *степные гончие* – самые быстрые, *степные орлы* – самые зоркие и самые лучшие охотники и т.д. Степь благодаря своей бескрайности стала символом свободы, попадая в степь, человек освобождается от повседневной суеты, условностей, ограничений, ср.: *Широко раскинулась **степь** – вольно здесь дышится не только казахам, но и казакам* («Время»).

Результаты свободного ассоциативного эксперимента свидетельствуют о том, что степь для казахстанцев – это простор, свобода: *бескрайность, бескрайняя, безграничность, простор, свобода, вольная, широкая*; природа: *ветер, ветреная, яркое солнце, пыль, песок, жажда, жара, ковыль, пустыня, дикая, сухая трава, за городом, тропинка, дорога, бездорожье*; кочевье: *кочевник, верблюд, лошадь, баран, стада, стадо, отары, пастухи, чабан, коровы* (Сабитова и др. 2011: 156).

Для сравнения культурной информации в анализируемом фрагменте казахстанской и русской культур мы взяли рассказ А.П. Чехова «Степь». Образ степи у А.П. Чехова разноликий, в ней сходятся два понятия: «тоска, однообразие, одиночество» и «красота, предчувствие счастливой жизни», напр.: *едешь-едешь и никак не разберешь, где она начинается и где кончается; обманутая степь приняла свой унылый июльский вид; степь замирает; во всем, на чем ни остановишь взгляд, чудится уныние, равнодушие и безжизненность; (коршун) вдруг останавливается в воздухе, точно задумавшись о скуке жизни; одинокий тополь; Летом зной, зимой стужа и метели, осенью страшные ночи, когда видишь только тьму и не слышишь ничего, кроме беспутного, сердито воющего ветра, а главное – всю жизнь один, один; почему-то мысли и душа сливаются в сознание одиночества. Начинаешь чувствовать себя непоправимо одиноким* и др.

Для россиян, в отличие от кочевников, степь олицетворяет пустыньность, бесконечность, одиночество, враждебность, ср.: *Служили, стало быть, на краю **степей**, где солнце пекло как в пустыне, что весной, что осенью, а от однообразия и тоски, бывало, сходили с ума; Сол-*

дат безвылазно и летом и зимой сидел **в голой дикой степи** и караулил ветер (О. Павлов // НКРЯ).

В «Русском ассоциативном словаре» к слову *степной* приведены реакции, связанные с: а) животным и растительным миром степи (их большинство): *степной орел, волк, заяц, олень, козел, зверь, грызун, суслик, тушканчик, ковыль, бурьян, камыш, трава, рожь, цветок*; б) простором: *ветер, просторный, казак*; в) другими ландшафтами: *лес, лесной, луг, луговой, полевой, хвойный* и др.; г) кочевниками: *кочевник, аул, конь*; д) другими ассоциациями: *разбойник, буран, ракета, король, тачанка* и др. (Русский ассоциативный словарь 1998: 166).

С простором, степью в русской языковой картине мира связаны две эмоциональные тональности: мажорная (простор – это приволье) и минорная («простор горестных нив» (М. Цветаева) навевает тоску). «Путник, переезжая вдоль и поперек эту равнину, в безлесной степи или в бесконечном лесу, повсюду неизменно чувствует, что этот великий простор, в сущности, есть великая пустыня. Вот почему рядом с чувством простора и широты русскому человеку так знакомо и чувство пустынности, которое яснее всего изображается в заунывных звуках наших родных песен» (И. Забелин) (Зализняк и др. 2005: 70–71).

Таким образом, анализ концепта «степь» в казахстанской и русской культурах позволил выявить различия их образных и ценностных составляющих, обусловленных разными историческими, политическими, культурными, географическими факторами.

Влияние казахского языка на русский отчетливо обнаруживается в корпусе прецедентных феноменов как «костяка фоновых знаний», основы социализации личности, знание которых является показателем принадлежности человека к той или иной социально-культурной группе или лингвокультуре.

Реминисценции русских прецедентных феноменов в казахстанских газетах демонстрируют достаточную степень освоенности казахизмов. В трансформированных прецедентных текстах отражаются реалии жизни казахстанского общества, зачастую не знакомые для носителей других культур, напр.: «*Не все золото, что “Алтын Белги”*» (о привилегиях обладателей «Алтын Белги» (нагрудный знак, вручаемый отличнику учебы в школе, аналог Золотой медали); «*В кокпар играют настоящие мужчины*» (о возрождении древней национальной игры казахов – кокпар); «*Нан – всему голова*» (нан «хлеб»); «*Аул в списках не значит*» (об отсутствии в списках на парламентских выборах сель-

ских жителей); «Хижина дяди бая»; «Истина в кумысе» (о целебных свойствах кумыса); «О бедных сайгаках замолвите слово» (о сезоне охоты на сайгаков, которых следует охранять); «Мыстан-кемпир нам не страшна» (о выставке иллюстраций персонажей сказок, мыстан-кемпир – сказочный персонаж, ведьма в мифологии казахов) (Журавлева, Капарова 2007).

Таким образом, проанализированные единицы лексико-фразеологического уровня, непосредственно связанного с внеязыковой реальностью, наиболее отчетливо демонстрируют особенности русского языка в Казахстане. Однако на основе этого едва ли возможно делать выводы о том, что русский язык в Казахстане является национальным вариантом. Так, беспрецедентное распространение английского языка в мире приводит к интенсивному заимствованию разными языками слов и выражений из английского языка и даже некоторых черт англо-американского менталитета, нравственных ценностей, традиций, стереотипов поведения. И это является естественным результатом языковых и культурных контактов, однако все же не позволяет считать один язык вариантом другого языка.

Литература

- Валиханов, Ч.Ч. (1985) *Собрание сочинений*. В 5 т. Т. 2. Алма-Ата: Казахская советская энциклопедия.
- Журавлева, Е.А., Капарова, Ж.Д. (2007) *Прецедентные тексты начала XXI века (на материале прессы Казахстана)*. Москва: Флинта.
- Зализняк, Анна А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. (2005) *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва: Языки славянских культур.
- Колесов, В.В. (2006) *Ментальность в языке и тексте*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.
- Новикова, Л.И., Сиземская, И.Н. (сост.) (1995) *Мир России – Евразия: Антология*. Москва: Высшая школа.
- НКРЯ. *Национальный корпус русского языка*. www.ruscorpora.ru
- Русский ассоциативный словарь* (1998) Кн. 5. Ч. III. Москва: ИРЯ РАН.
- Сабитова, З.К., Жанкидинова, Г.Т., Скляренко, К.С., Шантаева, Д.С., Шетиева, А.Т. (2011) *Словарь евразийской лингвокультуры Казахстана*. Алматы: Қазақ университеті.
- Сулейменова, Э.Д. (2011) *Языковые процессы и политика*. Алматы: Қазақ университеті.
- Уфимцева, Н.В. (2007) Психолингвистика и межкультурная коммуникация. *Мир русского слова и русское слово в мире. Т.4. Язык, сознание, личность*. Sofia: Heron press, 609–615.